

Олеся Анатольевна КОЗИНА / Olesya KOZINA

| «Со-творение» детства. О проблеме идентификации детства / Creating a Childhood. About an Identical Problem of Childhood |

Олеся Анатольевна КОЗИНА / Olesya KOZINA

*Ульяновский государственный университет, Ульяновск Россия
Кандидат философских наук, доцент**Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia
Associate Professor, PhD (Philosophy)
olesyakozina@rambler.ru*

«СО-ТВОРЕНИЕ» ДЕТСТВА. О ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ ДЕТСТВА

Феноменальная особенность детства – обнаружение внутренней идентичности человека на фоне утверждения социальной идентичности.

Язык личности во многом остается «языком детства», понимаемого и вспоминаемого как «рассказ», обращение к которому, сознательное или бессознательное, происходит далеко за пределами «возраста детства».

Собственно «детство» представляет собой событийный интервал, который отличает возможность обнаружения новых смыслов, – контекстуальное самовосприятие. История себя, т.е. личности, обязательно включает историю детства, извлеченную из эгоцентрической речи, не стремящейся быть выраженной. История детства является усилием выражающегося языка, преодолевающим ее автономность, сокрытость.

Детство, выражаемое и выраженное, обозначает тот континуум смысла, который не существует вне языковой реальности. Факты детства становятся событиями намного позже, лишь при их описании-выражении: такова парадоксальная особенность феномена детства.

Детство феноменально обнаруживает себя в пространстве смысловой точки отсчета лишь тогда, когда начинает присвоение себе пространственного окружения, то осознанное языковое вмешательство во-вне, когда язык о-внешняется и называет бытие в собственно-притяжательных интонациях. Поэтому некоторая нечеткость, но при этом возможность описания

Ключевые слова: детство, язык, внутренняя идентичность, социальная идентичность, мета-язык, история личности, Я, смысл.

CREATING A CHILDHOOD. ABOUT AN IDENTICAL PROBLEM OF CHILDHOOD

Phenomenal ability of Childhood is a search of internal personal identity against becoming social identity. Language of personality stays a language of Childhood. «Self-story» includes a story of Childhood and takes it from your self-speech. Story of Childhood is a language that makes it real. Facts of Childhood become «happenings» later, only in process of «talking». That's a paradoxes phenomenon of childhood.

Key words: childhood, language, eternal identity, social identity, meta-language, personal story, I'm, meaning.

собственного «первого» воспоминания адресует именно к языковому началу себя. Собственный язык, вовлекаемый в мощный процесс социализации, не только претерпевает трансформацию в речь внешнюю, способную развиваться в промежуточном пространстве с «другим», но и оставляет в себе свою способность быть внутренним, невысказан-

Олеся Анатольевна КОЗИНА / Olesya KOZINA

| «Со-творение» детства. О проблеме идентификации детства / Creating a Childhood. About an Identical Problem of Childhood |

ным, принципиально аутистическим¹. Иными словами, собственный язык, возникающий с изначальными глубинными обозначениями внешнего, во многом остается «языком детства», с помощью которого память и находит «воспоминания детства».

Несмотря на то, что термин «детство» гораздо в большей степени подлежит обиходному распространению применительно к таким общесоциальным событиям, поименованным как «дети», «в детстве», «друг детства», «друзья детства», «ребенок», «из детства», «как в детстве», «далекое детство», «глубокое детство» и пр., существуют еще и уникальные смысловые границы, за которыми употребление личностью социального языка (говорящего с «другими» и заключенным в культуру) переходит целиком в непостижимое распоряжение памяти и обращается в язык внутреннего выражения. Не вызывает сомнения то, что наряду с формальными границами, предложенными психологией и возрастной антропологией, границами, обозначающими и заключающими время детства в условный промежуток, каждый сталкивается с тем, что время от времени приходится иметь дело с таким явлением, как детство (само по себе), обращение к которому, сознательное или бессознательное, происходит далеко за пределами «возраста детства», т.е. тогда, когда детство «заканчивается».

Собственно «детство» может принципиально не совпадать с хронологией биографии, в «детстве» мы можем перечислять и называть одни события, пропуская другие. Тогда возникает вопрос, – что считать детством: переживаемое свое присут-

ствие в наличном бытии-времени; ссылки памяти в «прошлое» опыта или сам текст воспоминаний (свой и «чужой»)? Говоря о детстве, нельзя не отметить характерную черту подобных воспоминаний: это, как правило, определенное множество событий, имеющих некое особенное, интимное значение. Причем оно имеет плавающие ограничения, являясь не только ссылкой памяти, но и заново переживаемым собственным опытом. Это очень важно, так как речь идет о таком событийном интервале, который отличает возможность обнаружения новых смыслов, – контекстуальном самовосприятии.

Детство возникает как рассказ о себе (в обобщенном случае – как выражение; не обязательно только словесное) благодаря субъекту детства, интуитивно-необходимо использующему для этого и собственный язык внутреннего называния, и язык внешний, контекстуально использующий величины смысла². Но этот рассказ, становясь личностным «говорением о себе» (которое непрерывно и не умолкает в молчании³), восходит к уже созданной истории себя, некоей истории своего начала⁴, до конца не выражаемой, утаенной (идея непрерывного говорения взята у М. Хайдеггера). Также и у М. Бахтина ценна мысль о том, что познаваемый субъект – прежде всего не безгласный. Т.е. говорящий⁵. Потребность языка высказаться

151

¹ Например, согласно Ж. Пиаже, эгоцентрическая речь – это переход от аутизма к логике, от интимно-индивидуального к социальному. Согласно Л. Выготскому, это переходная форма от внешней речи к внутренней, от социальной речи к индивидуальной, в том числе и к аутистическому речевому мышлению. «Схема традиционной теории образования внутренней речи: внешняя речь – шепот – внутренняя речь (Уотсон)». См. Лев Выготский. Проблема речи и мышления ребенка в учении Ж. Пиаже // Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка / Пер. с фр. и англ.; Сост., ком., ред. перевода В.А. Лукова, Вл.А. Лукова. М.: Педагогика-Пресс, 1999. С. 398.

² По Л. Витгенштейну, Н. Малкольму и М. Даммиту, смысл не задан языком. В языке смысл – динамическая величина, меняющаяся в зависимости от контекста и способа употребления, а также связей между значениями языка. См. Голенков С.И.. Культура. Смысл. Сознание. Монография. Самара: Изд. «Самарский университет», 1996. С. 30 – 34.

³ Хайдеггер М. Язык / Перевод и примечания Б. В. Маркова. Серия «Первоисточники». СПб, 1991.

⁴ Козина О.А. Детство: процессы идентификации. Социальная идентичность личности и собственная индивидуальная идентичность / Сборник статей, посвященный 10-летию первого выпуска специалистов-социологов в г. Ульяновске. Ульяновск: Издательство УлГУ, 2003. С. 34 – 35.

⁵ Это принципиальная методологическая позиция. Бахтин проводит мысль о диалогическом познании субъек-

Олеся Анатольевна КОЗИНА / Olesya KOZINA

| «Со-творение» детства. О проблеме идентификации детства / Creating a Childhood. About an Identical Problem of Childhood |

во-вне речью выносит себя и в свой рассказ, и в свой текст, а тем самым в измерение личностное – явление. История себя, становясь потребностью, использующей язык, обязательно включает историю детства, извлекая ее из угаенности, из эгоцентрической речи, не стремящейся быть выраженной⁶. История детства является усилием выражающегося языка, преодолевающим ее автономность, сокрытость. В ней монолог восходит к пределу, – порогу, где присутствует личность, открытая слушателю. Присутствие собственной личности упорядочивает монолог о детстве своим «организирующим началом»⁷ и преобразует его в диалог с языком культуры.

Вспоминая детство, память маркирует события, индивидуально принадлежащие себе, т.е. подлинно свои, как единицы собственного времени, и субъект детства подчиняется закону не воспроизведения, а произведения, создания иной своей биографии, – смысловой. Это принципиально новый, выраженный, текст себя, основанный частью на реконструкции событийного языка (соответствующего событиям), частью на его поиске, а главным образом – на его обнаружении. И подле-

та как такового, что должна и заимствует социология детства. См. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.Т. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С.Аверинцева и С.Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. С. 363.

⁶ Например, Ж. Пиаже отмечает, что психоаналитики различают два типа мысли: мысль направленную (разумную) и аутистическую (по Блейеру). Первая сознательна, т.к. преследует цели, приспособлена к действительности и стремится влиять на нее. Вторая подсознательна, создает воображаемую реальность; стремится к удовлетворению желаний и остается чисто индивидуальной. Первая социализирована; вторая несообщаема. Пиаже предлагает назвать промежуточной формой мысль эгоцентрическую. Она старается приспособиться, но несообщаема. См. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка / Пер.с фр.и англ.; Сост., ком., ред.перевода В.А. Лукова, Вл.А. Лукова. М.: Педагогика-Пресс, 1999. С. 42 – 44.

⁷Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая аутореклексия. Том 1. СПб.: Норма, 2003. С. 300.

жащий аксиологическому изменению всякий раз, когда память переживает его заново.

Текст детства, транскрибируемый в прожитое пространство-время, становится носителем потенциальных отношений и смыслов; это смыслообразующий конструкт. Объектам детства всегда присваивается некое предельное совмещение отношения и времени, и субъект детства в собственном рассказе о себе неизбежно дополняет детство своими интерпретациями, «достраивая» события до необходимой оценки, а также внешними доминантами значений (и повседневности тоже), которые в тексте детства и актуализируются, и обретают определенную «центростремительную» способность (как то, вокруг чего вращаются воспоминания). Хотя, оценке тут принадлежит второстепенная роль. Ценность собственного проявления, – вот что делает миф о своем детстве необходимым для хранения, оберегания и возобновления. Можно говорить о мифотворчестве особого рода – о мифе собственного детства (и о мифе детства в категориях мифа о своем Я, и о мифе «своего» в своем.

Ценностно-оценочное и эмоциональное отношение к своему детству переводит текст (рассказ), как и сам многоликий образ детства, в область символов. Образуется та смысловая перспектива (одновременно и ретроспектива), которая влечет осознание тождества и нетождества⁸: когда Я – это не Я; не совсем Я; возможно, и не Я; и прочие всевозможные «самосличения» сознающего себя Я. Символ детства скорее отличает его «несамотожественность». Поэтому текст детства не только почти всегда сопровождается дополнением некоей незавершенности, т.е. своим контекстом, но и со-

⁸ М. Бахтин в своих набросках «К методологии гуманитарных наук» пишет как раз о том, что «переход образа в символ придает ему смысловую глубину и смысловую перспективу. Диалектическое соотношение тождества и нетождества. Образ должен быть понят как то, что он есть, и как то, что он обозначает». Речь идет о «самотожестве» символа, как намек на его внутренние семантические пласты и пробелы. Собственно, смысл символа как раз в его нетождестве, в отличие от образа. См. Бахтин М.М. Указ.соч. С. 366.

Олеся Анатольевна КОЗИНА / Olesya KOZINA

| «Со-творение» детства. О проблеме идентификации детства / Creating a Childhood. About an Identical Problem of Childhood |

держит свой мета-текст, объясняющий структуру своего проявления. Незавершенность возникает в том процессе говорения, который свойственен и обращению личности от себя к другим, и обращению к себе. И, поскольку, обращаясь к себе, личность тоже говорит, то, говоря свое детство, она вговаривает себя в себя, сопоставляя себя с собой же. Мета-текст детства – то противопоставление «своего» «чужому», что сохраняется и охраняется семантическим континуумом означенной грани; а это возможно благодаря соотнесенности с неким «потенциальным полем символов», конструктивно влияющими на процессы соотнесения⁹. Представления о собственном детстве, таким образом, не просто насыщены переживаниями и воспоминаниями, но и претерпевают сложный опыт сознательного соотнесения с тем, «как если бы могло быть», с неким символом детства, к которому восходят подобные представления. Здесь можно упомянуть книгу Ж. Перека «W или воспоминание детства». Любопытным примером послужит следующая цитата: «А мне хотелось бы помогать моей матери убирать после ужина с кухонного стола. Стол был бы накрыт вощенной скатертью в голубую клетку; над столом висела бы лампа с абажуром в виде тарелки из белого фарфора или из эмалированной жести, и с противовесом в форме груши. Потом я приносил бы портфель, доставал бы учебник, тетради и деревянный пенал, я раскладывал бы их на столе и делал бы уроки. Так это происходило в моих школьных учебниках»¹⁰. «Детст-

⁹ По М. Мамардашвили, «... с одной стороны, у нас есть переживания, а с другой – символы, с которыми человек соотнесен, и поле, возникающее от соотнесенности с символами, и является потенциальным полем наших возможных или, скажем так, смешанных состояний... весь мир человеческих состояний, слов, реакций, страстей возможен только в поле сопряженности с символами, которые конструктивны по отношению к человеку». См. Мамардашвили М.К. Необходимость себя. / Лекции. Статьи. Философские заметки. / Под общей редакцией Ю.П. Сенокосова. М.: Лабиринт. 1996 г. С. 261 – 262.

¹⁰ Перека Ж. W или воспоминание детства. СПб.: Ювента, 2002.

во», как пережитое сознанием «для себя», благодаря каждой явленности в язык, всякой новой символической о-говорке, получает и выражение новой полноты как некоей языковой «модели детства»¹¹. Так возникает мета-смысл детства, протяженный во времени индивидуальности-личности.

История себя – это история личности, подразумевающая и историю «иного, как собственно своего», – подлинно своего – в себе. В данной статье «личность» подразумевает толкование М. Мамардашвили: «я вне самого себя, то есть личность. Значит, личность не есть «быть в самом себе». Личностью на языке философии называется совершенно особая структура, которая не совпадает с видимой структурой индивидуальности. Проблема личности в философии никакого отношения к проблемам индивидуальности не имеет. Личность в нас – это такое измерение, в которое мы входим, выходя из самих себя. Универсальное измерение»¹².

Поэтому проблема идентификации детства вплотную соприкасается с проблемой идентичности, как социальной (своего внешнего имени), так и внутренней. Подводный камень, который здесь является перекрестком для основных тенденций дискурса, это проблема Другого. Не только онтология Другого, но и проблема пре-бывания Другого в Я, который трансцендируется как бесконечный объект (также как и Я, и вместе с ним). Человек социален в силу его непрерывных разнопорядковых взаимодействий. При-общаясь к какой-либо общности и вообще – к взаимодействиям, субъект, становясь таковым, не только утверждает и закрепляет эти взаимодействия, но и «располагает» их ближайшими к себе смыслами, окружая себя уверенностью в их надежности. И «ближайшим» из этих смыслов обладает тот изначальный архетип, не выделенный К. Г. Юнгом, но, возможно, им подразумевавшийся, – это «архетип Я» как немыс-

¹¹ Баранцев Р.Г. Синергетика в современном естествознании. М.: Едиториал УРСС, 2003. 144 с. (Синергетика: от прошлого к будущему.) С. 46.

¹² См. Мамардашвили М.К. Указ.соч. С. 38.

Олеся Анатольевна КОЗИНА / Olesya KOZINA

| «Со-творение» детства. О проблеме идентификации детства / Creating a Childhood. About an Identical Problem of Childhood |

лимый «без другого», отличный от других, но без других невозможный; Я, которое пред-полагает других по ту сторону себя, т.е. когда мыслимый «другой» – это бытийная необходимость себя как Я. Цитата, характерно углубляющая эту мысль: «В конечном счете «Я» всем обязано другому. Прежде всего, оно обязано ему своим существованием. Правда, в качестве истока существования другой обнаруживает себя в тот момент, когда уклоняется от сопричастности бытию «Я», трансцендируется за его пределы. Поэтому мы говорим, что другой – это самое близкое и одновременно наиболее удаленное. Используя выражение Хайдеггера – «Femste Gegend / naechster Nahnis» что значит «самый дальний район ближайшей близи... Наша рациональность не обладает достаточной высотой парения в плане объектов рефлексии, которая позволила бы совместить «Я» и другого в рамках единого представления, и затем распознать всю радикальность их различий. Стало быть, пресуппозиция мышления заставляет говорить сразу о разнящемся единстве, и наоборот»¹³.

Генеративные структуры сознания, удерживающего и организующего себя в актах мышления, индивидуируют формы Я, постоянно отвлекаясь от некоей «изначальной идентичности»¹⁴; при этом необходимо иметь в виду, что «термин «сознание» отделен от термина «я» в его индивидуальном психологическом смысле»¹⁵. Ж. Делез не случайно различает в индивиде Я и Мыслящего Субъекта (причем индивид полностью не совпадает ни с

тем, ни с другим)¹⁶. «Свое Я» в ином (например, в ближайшем окружении) общается, будучи социальным, в том числе с помощью собственного имени – «социально-телесного». В этом пространстве (также и смысловом) «с-зываются» «чужие», «другие», называются и именуется. «Свое Я» пребывает автономно, как «само», заявляя об этом «иному Я», но и за-являет (называет) это «иное Я». Поэтому «Я» – «Я среди подобных», совпадает с ними равнозначим. «Совместный мир уравнивает в правах все универсальное сообщество, обладающее этим миром как известной ценностью. Во-первых, «Я» не находит в нем подлинно другого, ибо прежде они уже встречаются друг друга в некоей тотальности, которая их сводит и связывает. Во-вторых, «Я» для самого себя оказывается до некоторой степени другим, а именно, до той степени, до которой другой оказывается мною. Общее уравнило нас, свело в проекте рациональности абсолютное различие к плавному и тем самым пустило в ход механизм общения»¹⁷. Смысл социальной идентичности – в совпадении с иными («тожесть», тождество), это естественная реакция Я на оклик извне, это согласие, подтверждение своего имени, вызванного (как и вы-зывающего себя) во-вне, и своего присутствия. При этом сознание сосредоточено на подтверждении того, что и извне – Я. Эта сосредоточенность¹⁸ сознания – его связность – и есть форма тождественности, то есть идентичность, как «тожесамость», «одинаковость», неразрывное¹⁹ имя для отклика на оклик. В отличие от социаль-

¹³ Орлов Д. Закат идентичности и игры в другого // Идентичность: Хрестоматия / Сост. Л.Б. Шнейдер. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. С. Д. Орлов. Закат идентичности и игры в другого // Идентичность: Хрестоматия / Сост. Л.Б. Шнейдер. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. С. 45 – 46.

¹⁴ Термин Ж. Делеза. См. Делез Ж. «Различие и повторение». СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. С. 354.

¹⁵ См. Мамардашвили М.К. Указ.соч. С. 256.

¹⁶ См. Делез Ж. Указ.соч. С. 81.

¹⁷ См. Орлов Д. Указ.соч. С. 56.

¹⁸ По Т. де Шардену, сознание обладает триединым свойством: «1) все частично сосредоточивать вокруг себя; 2) все больше сосредоточиваться в себе; 3) путем этого самого сверхсосредоточения присоединиться ко всем другим центрам, окружающим его». См. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – М.: «Наука», 1987. С. 204.

¹⁹ «...идентичность «не терпит дискретности и разрывов»». См. Сухачев В.Ю. Пределы идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. СПб.: Издательство СПбГУ, 1998, Выпуск 4 (№ 21).

Олеся Анатольевна КОЗИНА / Olesya KOZINA

| «Со-творение» детства. О проблеме идентификации детства / Creating a Childhood. About an Identical Problem of Childhood |

ной, внутренняя идентичность не реакция во-вне, а выявление изнутри²⁰. Собственно, различные само-приписываемые себе извне идентичности вполне обобщаются в категорию «социальная идентичность». Ведь феноменологически речь идет о разных способах объективации форм Я, об «особенном Я», «рассыпающемся на множество дробных зон»²¹ и об удержании «Я», что и есть суть проблемы; говоря более строго – об объективациях многих мыслимых форм Я, но при этом – о возобновлении и создании определенных как символических, так и поведенческих структур (почему и необходимо проблему идентичности рассматривать неотрывно от проблемы габитуса). Н. Козлова отмечает «вербальные и телесные параметры идентичности»²².

Парадокс идентичности состоит в том, что она в каждый данный (настоящий) момент устанавливается, постоянно находится в становлении. Это касается и «внутренней идентичности», если только вообще можно говорить о том, может ли она являться целью самопознания, самоутверждения себя – собой же. М. Бахтин отмечал, что «Я как субъект никогда не совпадает с самим собою: я – субъект акта самопознания – выхожу за пределы содержания этого акта. Я не переживаю себя всего во времени. Мое единство – смысловое (трансцендентность дана в моем духовном опыте), единство другого временно-пространственное»²³.

Личность Я допускает многозначность своего социального бытийствования (собственно процесс проявления «личности» – это и есть онтология «лика», обращенного к другим), чему сознание, удерживая в себе данность некоей подлинности «Я», всегда противостоит, так как полагает в себе целостность, а во-вне, в бытии – ищет компромисс. Бытие человека стремится к целостности, что является драмой и трагедией не личности, которая при-

способливается и проживает «ролевые» жизни, а индивидуальности, имеющей свой язык выражения, умолкающий на фоне своего же социального языка. Такое глубоко интимное размежевание языка и вызывает последующую «парадоксальность личностной самоидентификации»²⁴, о чем свидетельствуют, например, современные социологические исследования студенчества, когда личность, приобщаясь к общности, осознает в себе ту свою индивидуальность – говорящую индивидуальность, – от самобытного языка которой отказаться невозможно.

Субъект детства создает свое детство, приближаясь к обладанию своей собственной, внутренней идентичности. Это поиск той подлинности, которая обнаруживает себя в потребности выражения. Того аутистического языка, что предполагает и таит такую архитипичность бытия, которая, не совпадая с общими символами, обособляет свое детство. И непосредственно к «детству», безусловно, относятся «события себя», та их «себейность», которая принципиально отмечается сознанием как не причастное к коллективности, к социальной ритуальности. Это то, что глубоко ей противостоит и сопровождается собственным (внутренним) оглашением того или иного события, и что образует дополнительное восприятие, параллельное тому, что идет вовне. Индивидуальность разрывает ритуал со-участия, прерывает со-бытие и создает память своего бытия, где она является единственным доминантным субъектом. В этом случае сознание работает таким образом, что не личность восполняет своим содержанием некое взаимодействие до целого, являясь его необходимой единицей, а индивидуально прочитанный смысл дополняется его интимной завершенностью, образуя утаенную «часть» события. Вот это аутистически-языковое освобождение со-бытия, как выразившегося бытия, имеет значение для последующего отношения с соб-

²⁰ См. Козина О.А. Указ.соч. С. 35.

²¹ См. Орлов Д. Указ.соч. С. 47.

²² Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология: Учебник. М., Ключ-С, 1998. С. 43.

²³ См. Бахтин М.М. Указ.соч. С. 97.

²⁴ Григорьев С.И. Основы неклассической социологии: Новые тенденции развития культуры социологического мышления на рубеже 20 – 21 веков. 2-е изд., доп. и перераб. М.: РУСАКИ, 2000. С. 141.

Олеся Анатольевна КОЗИНА / Olesya KOZINA

| «Со-творение» детства. О проблеме идентификации детства / Creating a Childhood. About an Identical Problem of Childhood |

ственной личностью и где содержится «предвосхищаемый контекст будущего»²⁵. Кроме того, здесь присутствует тенденция не только превзойти бытие памятью, но и понять ему присущую эстетику²⁶, вы-сказать присходящее для себя, а потом – для других, совмещая в себе и язык культуры, поскольку как культура, имеющая свое бытие («особое бытие человека»²⁷), не умолкая, «говорит»²⁸, так и «говорит» всякий ее элемент.

Говоря (называя, рассказывая, записывая; вообще же вы-зывая – как историю подлинности – свое «инобытие» по отношению к своей личности) «свое» детство, мы обращаемся уже к чему-то непроизвольно помышленному, приобретенному определенной мыслительную форму и «готовому» к пониманию. В такой экспликации понимаемая реальность детства уже пред-стает как некий текст²⁹. Поэтому язык, дополнительно оформляя и расширяя текст добавочным контекстом, – так его понимая словом, – стремится найти и выговорить связь между событиями, вызванными памятью (не лингвистическую связь между единицами значений). То есть высказать смысл детства. Попытки словесных высказываний – множество воспоминаний-

текстов. Они говорят о доверии к языку, к его способности отыскать то, что именно и делает детство «детством», – говоря лосевским языком, его «самое само»³⁰. Это то «самое само», что являет целостность Я в живой жизни и в ее истории, целостность, понимаемую по-шарденовски как «неделимость»³¹, а здесь обозначенную как подлинность. Детство прежде всего начало бытия Я. Но детство Я, по-лосевски, – явление Я, а смысл Я как неуловленное «внутреннее» отсылает к бытию Я, понятному и совершенному именно так, а не иначе, – подлинно. Подлинность хочет, должна и способна выразиться³², она выражается и, прежде всего, – в участии в бытии («мое» бытие определяется «моим» в нем участием) и высказывании бытия. По М. Хайдеггеру, «быть человеком значит: быть сказывающим»³³. Эти живые «само-личные акты участия» и «сказывания-говорения» и творят детство как «свое бытие»³⁴.

Видимо, алгоритм обращения к детству проще в своем конечном проявлении (т.е. когда детство как таковое становится явно выражаемым и – выраженным), чем в начальном, так как непонятно, что же служит побудителем его развертывания. Точка отсчета воспоминаний о детстве может быть рациональной, эмоциональной и интуитивной³⁵. Рациональной, когда ставится цель высказать воспоминания, о-формить их. Эмоциональной, – когда возникает ассоциативная связь с опытом впечатлений. Она может быть и интуитивной (глубоко таковой, впрочем и являясь), когда личность восходя к своим истокам, пытается себя уловить и выразить отношение к своей подлинности, как субстанциальному аспекту себя³⁶. Но этот вектор, ко-

²⁵ См. Бахтин М.М. Указ.соч. С. 364.

²⁶ Здесь более чем уместно высказывание Ж. Делеза: «Красота и величие события и есть смысл. Событие – не то, что происходит (происшествие). Скорее, оно то, что внутри того, что происходит, – чистое выраженное. Оно подает нам знаки и ожидает нас... Событие – это то, что должно быть понято, на что направлена воля и что представлено в происходящем». См. Делез Ж. Логика смысла. Екатеринбург, 1988. С. 199.

²⁷ См. Голенков С.И. Указ.соч. С. 8.

²⁸ Не случайно С. Григорьев и А. Субетто, разрабатывая принципы новой неклассической виталистской социологии, говоря о национальных культурах, употребляют глагол «говорить» в настоящем времени: «...явного возрастания роли, значения... содержательности диалога национальных культур, «говорящих» каждая своим языком, несущим и защищающим свои ценности, интересы, ищущим на этой основе то общее, что объединяет нас в человечество, в цивилизацию, создает общечеловеческие ценности». См. Григорьев С.И. Указ.соч. С. 123.

²⁹ Мамардашвили М.К. К пространственно-временной феноменологии знания // Вопросы философии. 1994. №1. С. 77.

³⁰ Лосев А.Ф. Вещь и имя // Лосев А.Ф. Бытие, имя, космос. М., 1993. С. 803.

³¹ См. Тейяр де Шарден П. Указ.соч. С. 46.

³² См. Тейяр де Шарден П. Указ.соч. С. 47.

³³ Хайдеггер М. Введение в метафизику / Пер.с нем. Н.О. Гучинской. СПб.: Изд-во НОУ Высшая религиозно-философская школа, 1998. С. 161.

³⁴ См. Голенков С.И. Указ.соч. С. 67.

³⁵ См. Баранцев Р.Г. Указ.соч.

³⁶ См. Баранцев Р.Г. Указ.соч. С. 44.

Олеся Анатольевна КОЗИНА / Olesya KOZINA

| «Со-творение» детства. О проблеме идентификации детства / Creating a Childhood. About an Identical Problem of Childhood |

торым следует память и за которым работает сознание, целевой: его цель – обозначить то «свое», что образует неотъемлемое сопровождение любого события. События жизни, вещи, отношения, восприятия. Сознание отмечает то, где подлинное Я отметилось раньше, во время события. Это и воспоминание, и процесс «сбора» элементов в целое. То, что вспоминается как свое «мое», относится к я-бытию, во-мне-бытию и вспоминающий субъект становится субъектом детства, т.е. не только переживает его заново, но и конструирует, и фиксирует, и идентифицирует именно как детство; «мое» выступает прежде всего как смысловая, а потом уже бытийная принадлежность, определяющая его статус. Смысл «моего детства» не в том, что оно было и прошло, и не в том, что оно было таковым для меня, а в том, что оно восходит к «моему Я» как подлинности (возможно, попыткам свести его к однозначности), собираясь от широкого основания ролевых (социальных) идентичностей в нечто, полагаемое сознанием как единое Я и ощущаемое таким же, смещая доминанты коллективной памяти. Смысл «моего детства» находится в становлении одновременно с разверткой «сиюбытности» (по М. Хайдеггеру) и потенциально влияет на выявление множества смысловых координат. Интимно-сокрытое бытие смыслов единичных, «дообщих» ценно как раз своим последующим соотношением через язык с «общими», культурными.

Социальный язык, который объединяет личности во взаимодействия, обобщает значимые события, как известно-определенные, в множества единых символов социума и помещает «детство» в стереотипный локус «прошлого». Но фактическая – временная – законченность четко связана со «смысловой открытостью». Это означает, что каждый раз, – при обращении к нему, – восстанавливаемое аксиологически детство заново принадлежит своему субъекту, субъекту детства, который не просто называет его, вы-зывая памятью, но и перечисляет его события по-новому, исполняет их и как творец, и как со-участник. И рассказ детства-текста об-являет, без сомнения, сферу «прошлого», но

«центр» которой вынесен в «настоящее». Таким образом язык стремится к детству, чтобы выразить его (а полнее всего – в тексте), восходит к уже-бытию и являет его; «детство» становится «асимптотической» категорией³⁷. Само детство можно считать «разомкнутой» системой, замкнутой не темпорально на себя, ограничиваясь «истекшим временем», а продолжающей свое время в настоящем: благодаря языку, обращению к поиску собственной внутренней идентичности (говорение себя) и утверждению в себе целостности смыслом детства³⁸.

Содержание «детства как текста» уникально в силу обращения к нему субъектов детства. Но коды построения детства как текста можно обобщить как универсальные: участники детства (люди, «другие» личности), событийность, отношения, предметность (вещность), место. Подобные коды разнятся по внутренней дифференциации, но в целом остаются устойчивыми узлами структуры детства-бытия и детства-текста, говорящего его. Детство-текст говорит о своем бытии так, как его помнит, обращаясь к его закадровой «вещной» действительности, «внетекстовой»³⁹. Именно она, вжитая в опыт, сосредотачивает семиотику в выраженной семантике своего мифа, маркирует искомые события памяти. Знаки воспринятых отождествлений, вещных символов присутствия, а также преодолевающий восприятие отчужденного от мира опыта телесности⁴⁰, – образуют связи в про-

³⁷ См. Баранцев Р.Г. Указ.соч. С. 55.

³⁸ Козина О.А. Детство как социальный феномен. К вопросу о предмете социологии детства //Актуальные проблемы воспитания (философский и социологический аспекты): материалы Всероссийской научно-практической конференции в МГПИ им. М.Е. Евсевьева 12 — 13 сентября 2002 г. В 2х ч. Ч.1/Под ред. В.А. Писачкина; Саранск: Мордов.гос.пед.институт. 2002. С. 192 – 194.

³⁹ См. Бахтин М.М. Указ.соч. С. 365.

⁴⁰ А. Грякалов отмечает: «Опыт телесности восстанавливает тождественность существования и преодолевает отчужденность от мира». См. Грякалов А.А. Тематизация современности: от текста – к событию/Философские науки. 2004. № 11. С. 124.

Олеся Анатольевна КОЗИНА / Olesya KOZINA

| «Со-творение» детства. О проблеме идентификации детства / Creating a Childhood. About an Identical Problem of Childhood |

странстве семиотических отношений⁴¹ детства. Детство-текст опосредует живой опыт⁴², рассказывая о стратегиях первичного упорядочения пространства с помощью собственных знаков, каковые сохраняют свою социальную значимость в течение жизни. Более функциональным детство-текст является по отношению к истории становления Я, так как, оставаясь языковым материалом, воспроизводит символические структуры собственной культуры. Несмотря на свою, в общем, ситуативную аксиологичность, поскольку всякий раз утверждается новая смысловая структура как «особая целостность». Это, однако, как раз и служит обращением к необходимому смыслу детства, если под целостностью понимать единицу смысла⁴³. Здесь уместна «двойная ссылка»: М. Мамардашвили ссылается на М. Монтеня, говоря, что «вещи не существуют, если не живут в публичном пространстве». Собственно, с резонанса и начинается самостоятельное бытие любого языкового материала, когда он «отражается от сказанного в себе» и «становится в себе»⁴⁴. Вот эта автономия детства (выраженного!) и значима в контексте развертки личностного бытия, продлеваемого из темпоральной ограниченности нашего присутствия в символическое пребывание /

про-явление (по М. Хайдеггеру), – уже в языковой культуре (в том числе).

Итак, применяя термин М. Мамардашвили «языковая реальность», становится очевидным, что детство выражаемое и выраженное обозначает (в том числе) тот континуум смысла о вещах, который не существует вне языковой реальности. Здесь необходимо привести интересные замечания М. Мамардашвили о психоанализе. Во-первых, «фактически психоанализ интересуется один единственный предмет – детство...»⁴⁵, и во-вторых, «сутью классического фрейдизма» является язык: «психоанализ имеет дело с явлениями, которые всегда даны в языке, вместе с языком их осмысления». «Смешанные явления» – события – «случаются не только во внешнем пространстве, но одновременно во времени смысла и понимания»⁴⁶. Факты детства становятся событиями много позже, лишь при их описании-выражении: такова парадоксальная особенность феномена детства.

Так «детство» детства предстает категорически наличием бытия Я, субстанциальностью его «до-общей» культуры и взаимодействием с «инобытием» его становящихся форм⁴⁷.

⁴¹ См. Баранцев Р.Г. Указ.соч. С. 86.

⁴² Современная антропология изучает телесного субъекта. См. Козлова Н.Н. Указ.соч. С. 17.

⁴³ См. Голенков С.И. Указ.соч. С. 46.

⁴⁴ Мамардашвили М.К. Необходимость себя. / Лекции. Статьи. Философские заметки. / Под общей редакцией Ю.П. Сенокосова. – Москва: Лабиринт, 1996 г. С. 350.

⁴⁵ См. Мамардашвили М.К. Необходимость себя. ..С. 344.

⁴⁶ Там же. С. 348.

⁴⁷ Козина О.А. Детство как контекст и метатекст себя // Философия – детям: Материалы международной научно-практической конференции, проведенной в честь 75-летия Центрального Ордена Дружбы народов Дома работников искусств. 27 – 29 января 2005 г. Под ред. С.И. Левиковой. М.: Прометей, 2005. С. 83 – 85.

